

дискурсов» языка.

1. Барт Р. Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж-де-Франс 7 января 1977 г //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 545.

2. Зенкин С.Н. Ролан Барт и семиологический проект//Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 18.

3. Барт Р. Смерть автора //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 388.

4. Барт Р. Мифологии. М., 2004. С. 284.

5. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 475.

6. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды.

Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 475.

7. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 477.

8. Барт Р. От произведения к тексту//Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 416.

9. Барт Р. От произведения к тексту//Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 416.

10. Барт Р. Актовая лекция, прочитанная при вступлении в должность заведующего кафедрой литературной семиологии в Коллеж-де-Франс 7 января 1977 г //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 550.

11. Барт Р. Мифология сегодня// Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 477.

Д.В. Субботин

РАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ: ПАРАДОКСАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Д. В. Субботин
(г. Бишкек, Кыргызстан)

преподаватель кафедры
философии и социально
политических наук
Кыргызско-Российского
Славянского
университета

Одной из отличительных черт новоевропейской ментальности, берущей свое начало с философии Просвещения, выступает негативный способ ее самоидентификации. Самоопределение осуществляется главным образом через выявление отличия собственной сущности от всего того, что было раньше, – путем установления того, «...какое различие вводит сегодня по отношению ко вчера».¹ Такое движение «от противного» закономерным образом сопровождается открыто провозглашаемой оппозиционностью и даже враждебностью нового стиля мышления к традиционным типам духовности. Так, уже у предшественника просветителей Р. Декарта проводится категорическое размежевание между рациональным знанием, отвечающим требованию непосредственной достоверности, и знанием, основанным на вере. Причем под непосредственной достоверностью знания Декарт понимает не столько его эмпирическую данность, сколько именно отсутствие каких-либо посредующих звеньев (будь

то обычай или иной авторитет) в процессе познания субъектом действительности. Гносеологический индивидуализм таким образом начинает граничить с социальным элитаризмом: на истину, как считает Декарт, «...натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ»². Сходная идея будет позже выдвинута И. Кантом в качестве своеобразного девиза Просвещения: *aude sapere* – «имей мужество пользоваться собственным умом».

Однако здесь можно отметить определенный парадокс. Начавшись с постановки гносеологических проблем и интерпретации акта познания как деятельности автономного, а значит отвлеченного от общества, субъекта, Просвещение вместе с тем свой главный идейный пафос обрело в утверждении особой социальной миссии разума. Субъектом рационального действия объявляется уже не только личность, но и целый народ, человечество. С Просвещения собственно и берет свое начало понятие народа как основного субъекта истории. Как замечает по поводу данного обстоятельства М. Фуко, «Просвещение есть одновременно и некое поступательное движение, в котором люди участвуют совместно, и отважный поступок, надлежащий совершить лично. Люди выступают здесь и как стихия, и как действующие лица одного и того же процесса».³

Но не слишком ли с большой легкостью было допущено объединение в одно целое двух на самом деле разных феноменов, а именно – двух различных по своему происхождению типов познания: стихийного, опосредованного народной традицией, с одной стороны, и индивидуализированного теоретического, с другой? И в этом пункте

обнаруживается еще один парадокс Просвещения. Прежде всего, Просвещение поляризовало духовный мир на два противоположных начала, на «миф и разум», говоря словами Г.-Г. Гадамера. Но в то же время просветительская доктрина была выстроена на глубинной убежденности в собственной безальтернативности, когда противоположный полюс воспринимался лишь как формальная антитеза, которой в реальности можно безболезненно пренебречь. Миф рассматривался как что-то незначительное и случайное, «...обман священников или бабы рассказы». ⁴ Традиционные типы знания были поняты только как ошибочные. По сути, за архаической духовностью не усматривалась какой-либо принципиальной специфики, вся разница между мифом и разумом сводилась к разнице между истиной и ложью, знанием и невежеством. Весьма показательны в данном отношении слова П. Гольбаха: «Если незнание природы породило богов, то познание ее должно уничтожить их». ⁵ В лучшем случае миф расценивался как пережиток старины, как явление, утратившее свою актуальность в новом мире. Станным образом, несмотря на яростную критику традиционной ментальности, последняя так и осталась «неизвестной землей» для деятелей Просвещения.

По убеждению просветителей достаточно было бы активного воспитательного влияния на массы, чтобы господствующие там вульгарные предрассудки развеялись и навсегда уступили место разуму. Весь вопрос состоял в поиске наиболее подходящего метода подобной педагогики. Именно получившая в свое время широкую популярность в просветительских кругах проблема способов правильной организации мышления вызвала к жизни понятие, которое без всякого преувеличения стало доминантой духовной жизни современного общества. Речь идет об идеологии. Данный термин был образован по аналогии с понятием «физиология» и введен в широкий литературный оборот Дестютом де Траси, автором труда «Элементы идеологии» (1801). Исследователям того времени казалось, что объективным закономерностям телесности человека, открытым естествознанием, должны соответствовать некие столь же общеобязательные законы его духовной активности, образующие предмет «науки об идеях», то есть идеологии. Изучение данных законов и использование сделанных открытий на благо общества было объявлено целью Института – специальной организации, учрежденной во Франции в конце XVIII века. Деятельность Института, члены которого именовали

себя «идеологистами», оказывала заметное влияние на общественно-политическую жизнь Франции до тех пор, пока устремления идеологистов не вступили в противоречия с политическими амбициями укрепляющегося у власти Наполеона. Именно благодаря резкой и остроумной критике, которой Наполеон подверг деятельность Института, понятие идеологии приобрело пренебрежительное значение оторванных от действительности, бесплодных спекуляций на политические темы.

В подобном отрицательном смысле понятие идеологии было позже использовано в произведениях

классиков марксизма, которые вместе с тем развили собственную критическую концепцию идеологии. К. Маркс и Ф. Энгельс не видят принципиальной разницы между теоретическим мышлением новоевропейских рационалистов и исторически предшествовавшими ему типами спекулятивного сознания, будь то теология или метафизика. Их общность заключается в том, что во всех случаях это сознание идеологов – «мыслителей

как таковых», ставшее возможным в условиях исторического разделения общественного производства на материальный и духовный труд. Также примечательно, что именно в марксизме было в полной мере развито высказанное еще Р. Декартом (но оставленное без внимания просветителями) понимание природы рационального мышления как элитарной, а потому отнюдь не общедоступной и «демократической»: «...искусство оперировать понятиями не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным повседневным сознанием». ⁶

Согласно пониманию классиками марксизма начальных исторических стадий развития духовной культуры, «...производство идей, представлений, сознания, первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни». ⁷ Лишь впоследствии в процессе общественного разделения труда становится возможным размежевание умственного и физического труда, когда духовная и материальная деятельность выпадает на долю различных индивидов. И лишь такой ценой становится возможным качественный рывок в развитии общественного сознания, переход «от мифа к логосу». Теоретическое сознание присуще лишь профессиональным теоретикам, при этом сама имеющаяся у них возможность исключительно умственной деятельности предполагает их принадлежность к привилегированным слоям общества. Другим социальным слоям теоретическое мышление не свойственно в силу отсутствия в этой

среде предпосылок, способствующих формированию культуры подобного мышления.

В традиционных классовых обществах, где политическая власть во всей ее полноте осуществлялась элитой, составляющей общественное меньшинство, просто не возникало вопроса о необходимости просвещения масс. Такая потребность возникла вместе с демократическими преобразованиями и вовлечением широких слоев в процесс политического управления. Лежащий в основе современной демократии принцип всеобщего и равного волеизъявления граждан при принятии важнейших государственных решений создает прямую зависимость политической власти от сознания социального большинства. Важно заметить, что при этом в обществе происходит не просто изменение официальных институтов и процедур управления. Принципиальная новизна ситуации заключена в том, что реальным фактором политики становится такой тип сознания, который никогда ранее не имел к ней отношения.

Однако, как уже было замечено, просветительская доктрина отказывалась признавать за сознанием народных масс какую-либо самостоятельную специфику, но видела в нем обыкновенное невежество, которое может быть исправлено путем широкого распространения в обществе прогрессивных знаний. От этого собственно и берет свое начало явление политической пропаганды при буквальном значении латинского слова «propaganda» – «распространение». Причем методика подобного распространения сводилась преимущественно к тому, чтобы просто сделать доступными как можно большему числу людей те знания, которые ранее были доступны лишь немногим.

Согласно просветительскому замыслу массовая пресса должна была преодолеть традиционную закрытость высокой книжной культуры от народа. Но как уже довольно скоро выяснилось, в сфере массовой печати не столько происходит облагораживание величественными идеалами грубых нравов народной массы, сколько последняя сама подчиняет своему вкусу параметры прессы. Распространение грамотности в массах имело своим следствием формирование особого вида литературы, радикально отличного от ее классических образцов. Примечательно, что некоторые исследователи феномена популярной литературы приписывают ей выполнение функций мифа в современном обществе. Среди характерных признаков подобного «литературного мифа» называется все тот же синкретизм мысли и действия, идеального и реального. Здесь отсутствуют рафинированные эстетические формы, но преобладают понятные обывателю образы повседневной жизни. Узнавая в образах бульварной литературы Парижа XIX века «черты мифических представлений», Р. Кайуа пишет: «Очевидно, наступил момент, когда героическое величие, чтобы требовать и получать внимание к

себе, больше не должно было облекаться в костюм греков из трагедий Расина или испанцев из драм Гюго; чтобы обстановка трагедии казалась трагической, от нее больше не требовалась удаленность во времени и пространстве. Перемена была полной: мир высшего величия, мир полный насилия и тайн, мир, где всегда и всюду может произойти все что угодно, ... – такой мир перестал быть удаленным, недоступным и автономным, теперь это тот самый мир, где каждый из нас проводит свою жизнь».⁸ Декорациями повествования становится сам современный город. Более того, литературная история перестает восприниматься читателем как просто занимательная фикция и чистая умозрительность. После выхода в свет «Человеческой комедии» Бальзака в некоторых европейских странах появились общества, участники которых распределяли между собой роли книжных персонажей, стараясь во всем подражать им в своей жизни. И как особо подчеркивает автор, «...такого рода явления имеют место с тех пор как все стали читать. То есть с момента введения обязательного начального образования, реальное распространение которого как раз совпало по времени с возникновением мифа о Париже».⁹ Такой неожиданный эффект от просвещения масс безусловно в немалой степени послужил развенчанию просветительского проекта в его классическом, идеализированном виде. Массы не только остались безразличными к рассудочным истинам новоевропейских доктрин, но в полной мере продемонстрировали самостоятельный статус собственной ментальности, позволяющий оказывать активное воздействие в том числе и на те явления, которые ранее являлись прерогативой элит.

Попытки сделать сознание масс идеологическим, в том значении этого слова, как его понимали французские «идеологи», потерпели провал. Подобное предприятие было заведомо обречено на неудачу уже в силу противоречивости самого понятия «массовая идеология», ведь, как убедительно показали классики марксизма, идеология может существовать только как сознание профессиональных теоретиков, обслуживающих духовные запросы властвующих элит. Между тем, разрыв между кабинетными абстракциями и обыденными представлениями улицы фатально велик.

Однако не подлежит сомнению, что, несмотря на отмечаемый явный неуспех в деле рационалистического просвещения масс, сам термин «идеология» вовсе не канул в забвение, он, бесспорно, по-прежнему является одним из наиболее употребляемых в исследованиях общественного сознания и в политической практике. Однако при этом можно наблюдать парадоксальное перерождение, которому подвергается в современном языке понятие идеологии. Так, К. Леви-Строс заявляет: «Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую».¹⁰ Налицо совмещение принципиально

несовместимых категорий. Исходя из всего того, что было сказано выше, идеология и мифология должны представлять собой диаметрально разные типы сознания и, следовательно, заменять друг друга они никоим образом не могут, как не могут быть взаимозаменяемы обыденное сознание и мышление теоретическое. Если современная политическая идеология отождествляется с мифологией, то, значит, под идеологией в данном случае понимается что-то совершенно другое по сравнению с идеологией в ее классическом осмыслении, по сравнению с тем, как понимали данный предмет, скажем, К. Маркс и Ф. Энгельс. Но в таком случае было бы безосновательным обозначать столь различные вещи одним и тем же словом. Или существует все же некая преемственность в эволюции значения этого термина, позволяющая логически связать его разнородные исторические ипостаси? Представляется, что объединяющий их общий признак все-таки может быть найден.

Обнаружившая себя на практике невозможность подлинной рационализации массового сознания, при всей трагичности подобного итога для судеб Просвещения, совсем не означала невозможности оказания на сознание масс определенного формирующего воздействия. Изменения в общественном мнении, производимые прессой, начали отмечаться одновременно с появлением многотиражных изданий. Причем часто внимание обращалось именно на негативность подобного влияния. Парадоксальные последствия просвещения масс, проводником которого должна была выступать общественная печать, вызвали замешательство у многих поборников общественного блага. Показателем подобных настроений может служить выразительное высказывание К. Маркса в одном из своих писем: «До сих пор думали, что создание христианских мифов было возможно в Римской империи только потому, что еще не было изобретено книгопечатание. Как раз наоборот. Ежедневная пресса и телеграф, который моментально разносит свои открытия по всему земному шару, фабрикуют больше мифов (а буржуазные ослы верят в них и распространяют их) за один день, чем раньше можно было изготовить за столетие».¹¹ И думается, определение подобной «продукции» как мифов вполне уместно, учитывая ее характерные особенности и механизмы функционирования.

Весьма показательна общая тенденция массовой культуры, заключающаяся в возрастании прямого воздействия на органы чувств. Печатные средства массовой информации все больше вытесняются телевидением. Письмо, традиционно составлявшее основу духовной культуры элит, в массовом обществе определенно теряет функцию генерирования сознания. В соответствии с этим изменяются и методы массовой пропаганды. В современном пропагандистском арсенале абсолютно преобладают методы воздействия,

основанные на психологических механизмах внушения, манипуляции и программирования сознания. Как откровенно заявляет об этом немецкий социолог Г. Франке, «...некультурный человек не способен воспринимать рациональные суждения. Единственное, что остается, воздействовать на него так, чтобы изменить его представления, а последнее возможно только на психологической основе».¹²

Более того, пропаганда словно бы вообще утрачивает духовную природу, переходя на невербальные способы передачи своих сообщений. Жак Эллюль в свое время предложил концепцию так называемой «социологической пропаганды», противопоставляемой им традиционной «политической пропаганде». По словам автора, особенность «социологической пропаганды» заключается в том, что она «...по природе своей распылена. Она редко осуществляется с помощью лозунгов или с помощью четко выраженных намерений. Наоборот, она основывается на общем климате, на атмосфере, которая влияет на людей незаметно, не выступая в роли пропаганды; она “добирается” до человека через его привычки, через его самые неосознанные обычаи».¹³

В то же время, несмотря на значительное совпадение параметров современного массового сознания с параметрами обыденного сознания, принципиальное отличие одного от другого заключено в способах их порождения. Обыденное сознание по сути своей производится стихийно, оно, по известному выражению, вплетено в общение людей, в язык реальной жизни. Однако особенность современного массового сознания состоит в том, что хотя его содержание носит общедоступный и общераспространенный характер, производится оно далеко не только спонтанным образом, но в немалой степени путем целенаправленной активности определенных людей. Парадоксальным образом массовое сознание, оставаясь обыденным, производится подобно теоретическому сознанию. Блестяще характеризует данную ситуацию в контексте «нацистской мифологии» Э. Кассирер: «Ранее миф всегда считался продуктом некоей бессознательной социальной деятельности. Но теперь мифы создавались людьми, действовавшими в высшей степени сознательно и “в соответствии с планом”. Они прекрасно знали, что им надо и продумывали каждый свой шаг. С появлением этих людей мифам уже не позволялось развиваться стихийно. Новые политические мифы никоим образом не были дикими плодами богатого воображения. Это были изделия, изготовленные весьма искусными и хитрыми ремесленниками. Можно прямо сказать, что перед нами предстал миф нового типа – миф полностью рационализированный. Двадцатый век породил “технику” мифологического мышления, не имеющую аналогов в истории».¹⁴

И здесь обнаруживает себя поистине парадоксальный фатум Просвещения.

Образованная элита стремилась привить массам навыки рационального мышления, однако в итоге массы не стали мыслить рационально, зато сама интеллектуальная элита начала причудливым образом производить сознание масс. Не элита воспитала массы, но наоборот массы преобразовали по своему подобию мыслящий класс. Духовное производство в эпоху массовизации создает как раз тот феномен, который с полным основанием можно назвать массовой идеологией. Надо заметить, подобное превращение идеологии не повлекло исчезновения идеологов, понимаемых в марксистском смысле как профессиональное сообщество людей, занятых духовным производством. Только последнее приобрело черты откровенного мифотворчества – рационального производства нерационального сознания. Более того, политический характер подобного производства стал совершенно очевиден. Если ранее целью идеологов выступала разработка «иллюзий господствующего класса о самом себе» (К. Маркс), то в наш прагматичный век элиты, находящиеся у власти, в подобном обслуживании вряд ли нуждаются, относясь к массовой идеологии поистине макиавеллически. Как замечает К. Мангейм, «...возглавляющий движение вождь знает, что все политические и исторические идеи – не более чем мифы. Сам он свободен от их воздействия, но он ценит их...», поскольку такое знание «...полезно

вождям как чисто техническая осведомленность: они должны знать, какими средствами можно привести в движение массы». ¹⁵

1. Фуко М. Что такое Просвещение? //Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2002. С.337.
2. Декарт Р. Избранные произведения. – М., 1950. С.271.
3. Фуко М. Указ. раб. С.338.
4. Гадамер Г.-Г. Миф и разум //Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. С.94.
5. Гольбах П.А. Избранные произведения. В 2т. Т.1. – М., 1963. С.378.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.14.
7. Там же. Т.3. С.24.
8. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003. С.122.
9. Там же. С.133.
10. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М., 1983. С.186.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.33. С.215.
12. Цит. по: Бессонов Б. Пропаганда и манипуляция //Реклама: внушение и манипуляция. – Самара, 2001. С.709.
13. Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. – М., 1980. С.214.
14. Кассирер Э. Техника политических мифов //Октябрь. 1993. №7. С.158.
15. Мангейм К. Идеология и утопия //Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994. С.118.

ЧТО ТАКОЕ МИФ?

М.А. Гонсалес

Мариано Родригес Гонсалес
профессор-исследователь
Автономного университета штата Мехико (Мексика)

Определение любого явления, а тем более такого феномена как миф, предполагает его перевод в термины дискурса мысли, переложение на язык, чей код существенно отличается от природы и сущности самого этого феномена.

Говорить о мифе – значит двигаться в полумраке теней, ускользающих от аналитических усилий, направленных на постижение их рационального смысла. Но тени, за которыми скрывается миф,

как и всякое таинство, не лишены своеобразной привлекательности, ибо намекают на истины, таящиеся в глубинных пластах самой жизни. Ведь многие сокровенные тайны, обитающие в недрах человеческого бытия, обречены на полумрак.

Сам онтологический статус, побуждающий человека метафизически осознавать себя существом разорванным, обрекает его на восприятия смысла вещей в полусвете. Это восприятие осуществляется через фильтр или сквозь слуховое окно, именуемое мифом. Миф – это то, что одушевляет и движет; это жизненный мотив, направляющий наше существование в мире, раскрывающий драматизм раскола и разрыва, равно как и примирение человека с бытием. Любой миф – это конденсированная человеческая драма именно потому, что его корни уходят в потаенные глубины природы человека и дают о себе знать повсюду, где проявляется человеческая деятельность. Латентное присутствие мифического сознания в основополагающих актах жизни человека, просачивающееся в самую ткань, которая конституирует единство культурной жизни, делает бытие мифа ещё более непостижимым для усилий познающего разума.